

9.10.93

Искателей разного по дорогам жизни множество. Ну, конечно, среди них попадаются чудаки, идеалисты, мечтатели — эти коллекционеры странностей. Это вымирающее племя, живущее на малообитаемом острове среди океана прагматизма. Это робинзоны, давно понявшие, что художник и одиночество родственны, что это естественно. Они занимаются своим делом, потому что не могут не делать его. Делают, не ожидая ни от океана, ни от небосвода никаких посулов. Но где они? И вообще... есть ли они!..

Но есть и другие. Этикие странствующие рыцари ордена жар-птицы, не умеющие жить в настоящем, вечно живущие в своем вымысле о будущем. Делая свое дело, они, хоть порой и радуются успехам, все же ищут свое загадочное завтра, порой не зная, где искать. Жизнь в легенде, а вернее, среди воздушных замков подводит некоторых неисправимых к возрасту, в котором, право же, более уместно утихомириться реальностью, если уж не дано умудриться.

Вот так и я через свои многие десятилетия искал «театр моей мечты». Восторженно встречался с многими академическими театрами, с их замечательными артистами в Москве, Минске, Киеве. Но скоро любимец (это я), он же возмутитель спокойствия, оставаясь нужным худруком, становился нежелательным. Мои «буря и натиск» во имя строительства нового театра превращались в «бурю и натиск» инициативного меньшинства против меня. И хотя говорят, что это были не худшие времена театра, но они скоро кончались. Увы, полагаю я, для двух сторон. К общему удивлению, снова и снова меня приглашают эти театры ставить спектакли, и я снова убеждаюсь, что это очень хорошие театры, в которых, увы, недостает того-то, того-то, а есть, увы, то-то и то-то.

Наконец-то понял я, что не может быть театра, сложного по теории гоголевской невесты из множества самых различных достоинств. Так в театре не бывает. Дошло наконец-то. И вдруг я нашел его. Меня охватило недоверие — неужели действительно?

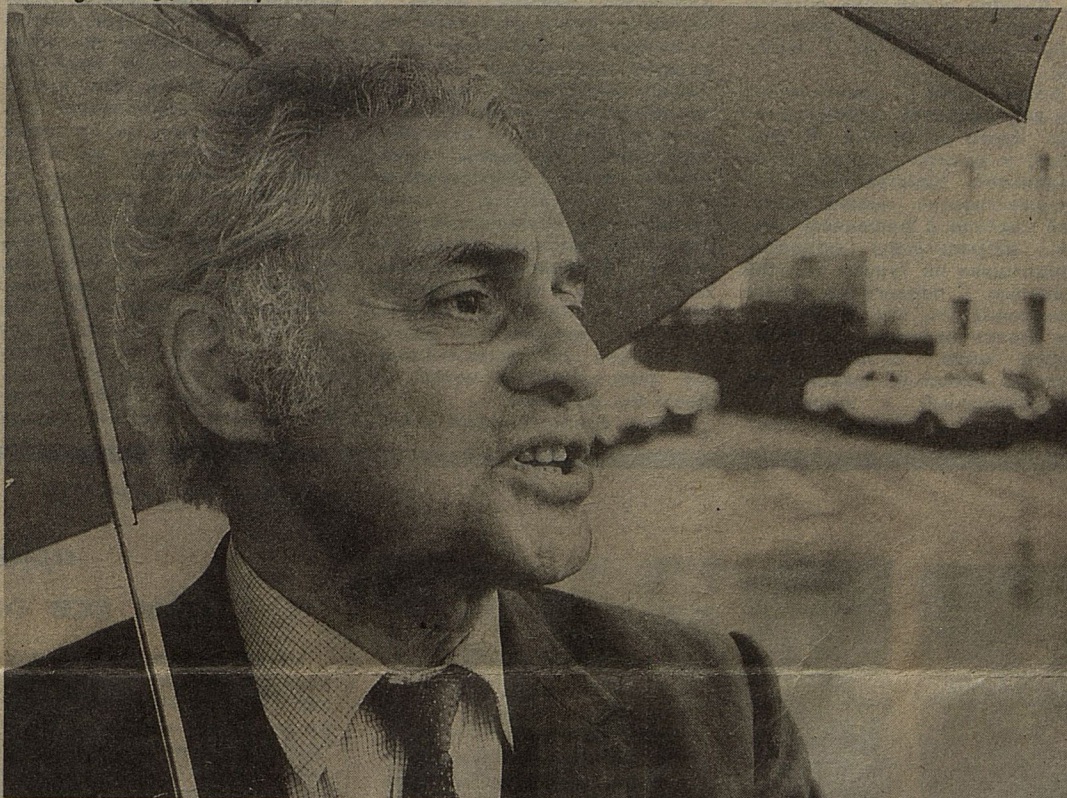
В Челябинске при подходе к театру меня окружает сквер, нет — лесопарк метров на 250, нет — ботанический сад с деревьями чарующей красоты. А что там внутри? Стесняясь своей недоверчивости, скрывая свое удивление, я переступаю порог служебного подъезда и встречаюсь с интеллигентной дамой, окруженной телефонами, пультом, телевизором, на удобном рабочем месте, похожем на серьезный кабинет без стен. Меня вежливо называют по имени и отчеству, просят подождать: «Сейчас спустится Наум Юрьевич...». Ему звонят, а я думаю — зачем это?

И вот появляется художественный руководитель театра народный артист России Наум Орлов. И это тоже странно — такой величественный театр, а передо мной как-то скромно возникает тихий человек и, почему-то виновато улыбнувшись, ведет меня к себе наверх. Позже, когда я снова и снова буду сюда приезжать, я не перестану удивляться этому «антируководителю». Он никогда не закричит, даже не запищит. Какая там «силовая рука»! Иногда в разговоре с артистами в кабинете он напоминает отзывчивого врача. На совещаниях малословен, эпохальных речей не произносит; словно прячется, чтобы его меньше видели, слышали. И вдруг ставит дерзкие, ошеломляющие интересные спектакли с той активной режиссурой, в которой царствуют артисты и покоряет сотворчество режиссера, художника, композитора. Опять удивляюсь — как могут так отличаться образ поведения человека и масштаб, и неумность творца?

Но заглянем подальше, поглубже, туда, внутрь. Орлов работает вместе с директором.

Так в театре не бывает

Культура. — 1993. — Июль. — с. 8

Отличный директор В. Макаров разумно (честь ему и слава) работает «на Орлова», оставляет последнее слово за Орловым. Вот мудрец! А получается дружный тандем.

В театре все вместе решили: нам не нужен худсовет. Его и нет. И никому в голову не приходит, что надо восстановить творческую демократию. «И нас тоже это устраивает», — говорят артисты. Снова удивляюсь.

Я не слышал скандалов. С актерами, с постановочной частью, как это бывает в нормальных театрах (я ставлю здесь не первый, а четвертый спектакль). И представьте себе, актеры приходят на репетиции подготовленными, стараясь реализовать режиссерские ЦУ. Репетиции увлеченные, усердные, старательные, главное — методологически грамотные. И совершенно бесконфликтны! Вот уж действительно «репетиция — любовь моя». Сейчас репетируем Островского, прошел месяц работы, мы еще в репетиционном зале, но все актеры в этот период импровизационных разведок знают тексты. Так они, очевидно, привыкли. Меня не удивляет методологическая подготовка артистов потому, что это театр Наума Орлова. Мне просто нравятся различия актерских индивидуальностей и

единство их репетиционных поисков. И еще — вкус, это где-то внутри, в подсознании, об этом не говорят.

Актеры работают в театре на контрактах, как теперь говорят, по договорным ценам. Ну всю ту коммерческую тайну я не приоткрою, но в сумме надбавок, премий и того, что называется секретом фирмы, актеры стабильно получают заметно увеличенную зарплату. Вот и получается, что труппа стабильна.

От добра добра не ищут. Но как бы вразумительна ни была эта истина, в Санкт-Петербурге, увы, хоть и редко, случаются потери: отъезд актеров в Москву, столичный соблазн прельщает, обнадеживает. Трудная это штука — пересадка деревьев, растение привыкает к своей почве, вот и цветет пышным цветом. Хрупкая эта штука — талант и новая среда. Дай бог, лучшей судьбы московским и петербургским «звездам» Челябинска.

И, наконец, о том, о чем может мечтать любой режиссер-идеалист. Это актерское товарищество. А оно есть. Что это, деликатность? Или взаимопомощь? Или простота, свобода, открытость взаимоотношений? Какая разница. Я знаю, что в хорошей репетиционной атмосфере можно сделать и плохой спектакль, но в

плохой — хороший спектакль не получится. Очевидно, есть и у них соревнование, и чувство престижа, и зависть, и ранимость — ну как же без этого, — но это не видно, это за пределами допустимого или гласности.

Конечно, все эти семейные радости еще не рожают сами по себе хороших спектаклей, но театр полон, несмотря на новые повышенные цены за билет. И вряд ли все решают икарусы, развозящие зрителей после спектакля по пяти маршрутам в вечерний беспокойный час. Я все же думаю, в меру своей наивности, что виноваты интересные спектакли.

И ведь что любопытно: репертуар не слишком оригинален, не слишком удивляет. Но как поставлены и сыграны актерами «Самоубийца» или «Зойкина квартира», вот что привлекает. Разумеется, есть и более оригинальные названия спектаклей. Но не в этом таится секрет успеха.

Репертуар коллекционируется. Это означает, что особо интересные спектакли снимают с афиши рано, как только они начинают труднее продаваться. Делается перерыв на год-два, и потом зрители снова идут посмотреть восхитительный спектакль, пользовавшийся хорошей молвой. Эффект ренессанса срабатывает, — спек-

такль живет полторы жизни. А афиша театра повышает свой творческий рейтинг.

Я давно не видел таких декораций — образно, красиво, сложно сочиненных главным художником театра Т. Дидишвили. И так тщательно, а порой дорого освоенных постановочной частью. И это в наш трудный век!

Что меня огорчает? Техника света и техника радиоакустики. Но и тут Орлов не дремлет. К нему уже приезжала бригада из Австрии, и переговоры начались. Дай бог.

Разумеется, пора заговорить персонально об актерах и конкретно о спектаклях, но это уже великолепно сделал А. Свободин в газете «Культура» 20 июня 1992 г., справедливо заметив, что театральные явления теперь стали происходить в так называемой провинции.

Я помню прекрасные гастроли в Москве. Как всегда это бывает, привезли «кота в мешке», и не все московские театралы успели узнать, что приехал особо интересный театр. А в этом году триумфально прошли гастроли в Вуппертале, Ганновере и Мюнхене. Орлов поразился грандиозности успеха. А я удивился, что его это удивляло.

Кое-где в других театрах уже начали рассуждать так: «Зачем делать хорошие спектакли. Плохой или хороший — все равно зрителей не будет. Театры живы не сборами, а дотацией». Страшная правда. Но эти театры не дальновидны и обречены. Через несколько лет государство быстро сообразит, какую «культуру» надо прикрыть как нерентабельное производство. В Челябинске идет борьба не столько за сборы, сколько за жизнь, то есть за «как-че-ство». Вот это манящее как — главная оригинальность и достоинство театра Наума Орлова, который он возглавляет 20 лет.

...Я выхожу из театра, в котором так приятно работать, и снова попадаю в лесную фантазию. Да не почудилось ли мне все это? Но вот они — красивые деревья. Существуют же и красивые спектакли, и красивые люди театра, и полный зрительный зал, и Наум Орлов со своей командой. Нет, не почудилось...

Значит, хоть не всегда и не везде, но все-таки так в театре бывает.

Борис ЭРИН,
режиссер, заслуженный
деятель искусств Украины.

● Здание челябинского театра.
● Наум Орлов.

Орлов Наум